

М. А. Солощева

КУКУНОРСКИЙ МЯТЕЖ 1723–1724 годов И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИСТОРИИ ТИБЕТА

Мятеж, поднятый кукунорским князем Лобсаном Дандзином против империи Цин в 1723 г., — одно из важнейших событий, повлиявших на расстановку сил в регионе в первой половине XVIII в. Его последствия определили не только будущее самого Кукунора (Цинхая), Тибета и Джунгарии, но и во многом современную карту Китая. И тем не менее этому вопросу не уделялось достаточного внимания в отечественной историографии. В 1880 г. было опубликовано исследование В. М. Успенского «Страна Кукэ-нор или Цинхай с прибавлением краткой истории ойратов и монголов» [1]. В 1972 г. Б. Д. Дандарон опубликовал перевод с тибетского языка «Истории Кукунора», написанной современником мятежа Сумба-Хамбо Ешей-Пэлджором (1704–1788) [2]. Сумба-Хамбо был ученым ламой и многолетним настоятелем кукунорского монастыря Гонлун (dGon-lung), который был полностью разрушен китайскими войсками при подавлении восстания. Поэтому данное историческое сочинение, несмотря на свой небольшой объем, представляет значительный интерес для изучения указанных событий¹. Это сочинение было использовано при написании данной статьи наряду с другими источниками на тибетском и китайском языках, опубликованными за последние полвека в КНР.

Некоторые аспекты Кукунорского мятежа были освещены в работах зарубежных исследователей, написанных на английском и немецком языках: «Восстание Лобсана Дандзина 1723 г. в свете предшествовавших ему событий» Като Наото [4] и «Завоевание Цинхая в связи с событиями в Каме и Тибете: 1717–1727» Шу-хуэй У [5]. Като Наото уделяет особое внимание (как это следует из названия) событиям, предшествовавшим мятежу. Шу-хуэй У подробнейшим образом разбирает военные действия маньчжуров в указанный период на основе секретных донесений генерала Нянь Гэньяо (1679–1726) императору Канси (правл. 1662–1723), а затем его наследнику Юнчжэну (правл. 1723–1735). В данной статье мы рассмотрим предысторию вопроса, подробно остановимся на причинах мятежа и влиянии этого события и его последствий на расстановку сил в регионе, особо отметив их значение в истории Тибета.

В 1642 г. предводитель хошутских монголов Гуши-хан (1581–1655) завоевал Тибет и провозгласил себя его «царем». Он активно способствовал распространению так называемого желтого учения — традиции школы тибетского буддизма гелугпа², к которой относится линия перерождений Далай-лам. Основав династию «царей Тибета», Гуши-хан практически не принимал участия в управлении страной, заезжая туда лишь изредка. Он передал власть в руки Далай-ламы V Нгавана Лосана Гьяцо (1617–1682),

---

Солощева Мария Алексеевна — аспирант, ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: mary1685@mail.ru

¹ В 1969 г. оригинальный текст «Истории Кукунора» был издан в латинской транслитерации тибетского алфавита и переведен на английский язык [3].

² Основателем школы гелугпа является Цзонхава (1357–1419), племянник которого — Гэдундуб (1391–1447) стал первым в линии перерождений Далай-лам. Школу также называют «желтым учением» из-за цвета традиционного головного убора.

© М. А. Солощева, 2013

оставив за собой лишь контроль над войском. Однако формально главой государства продолжал считаться монгольский правитель. Кроме того, титул «царя Тибета» передавался по наследству, что позволило потомкам Гуши-хана претендовать на власть в Тибете и после его смерти, в 1656 г.

Став главой Тибета и его духовным лидером, Далай-лама V мало участвовал в управлении администрацией, обладая при этом значительным политическим влиянием. Исполнительная власть была отдана сановнику Соднам Чойпэлу (ум. 1657), получившему должность дэси. По мнению тибетского историка В. Д. Шакабпы, его обязанности можно сравнить с обязанностями первого министра, однако в европейской историографии за тибетским названием «дэси» закрепился перевод «регент» [6, с. 124]. Об авторитете, завоеванном Далай-ламой V за время своего правления, свидетельствует то, что факт его смерти в 1682 г. дэси Сангье Гьяцо (1653–1705) скрывал на протяжении пятнадцати лет, управляя Тибетом от его имени [7, р. 8–9].

Вопрос о том, кто должен управлять Тибетом после смерти «Великого Пятого», осложнялся не только тем, что он успел передать управление страной регенту, но и тем, что монгольские князья, унаследовавшие титул «царя Тибета» от Гуши-хана, также претендовали на полноту власти. Кроме того, титул Далай-лам передавался не по наследству, а по линии перерождений, т. е. следующего новорожденного духовного лидера искали при помощи оракулов, определяющих по знаменьям, где и когда он должен был родиться. В 1685 г. по тайному распоряжению регента были организованы поиски нового воплощения «Великого Пятого». В воспитании мальчика Цаньяна Гьяцо, признанного Далай-ламой VI, Сангье Гьяцо принял активное участие, уделяя особое внимание светским дисциплинам. В 1697 г. регент объявил монгольским ханам и маньчжурскому императору о смерти Далай-ламы V и предложил императору прислать в Лхасу ламу, который знал Далай-ламу V и мог бы лично убедиться в его сходстве с Цаньяном Гьяцо [8, с. 319]. Далай-лама VI рос своевольным юношей, гораздо больше времени посвящая поэзии, стрельбе из лука, вину и женщинам, нежели религиозным занятиям или делам управления Тибетом. В итоге вместо того, чтобы принять полное посвящение в 1702 г., он снял с себя даже те обеты, которые уже успел принять [6, с. 141–142].

В это время в Тибете разгоралась борьба за власть между Сангье Гьяцо и главой хошутских монголов в Центральном Тибете Лхавсан-ханом. В 1703 г. регент был вынужден уйти в отставку. Это было вызвано недовольством монголов, а также ухудшением его отношений с Далай-ламой VI. Однако Сангье Гьяцо продолжал управлять тибетской администрацией, оставаясь в тени [6, с. 143–144]. Лхавсан-хан также претендовал на полноту власти в Тибете. О его вражде с регентом свидетельствуют китайские источники, в которых упоминается попытка Сангье Гьяцо отравить монгольского правителя [9, цз. 91, л. 16а]. В 1705 г. конфликт перерос в вооруженное столкновение. Бывший регент потерпел поражение и был казнен. Лхавсан-хан, при поддержке цинского двора, с которым он вел переписку, объявил Цаньяна Гьяцо «фальшивым» Далай-ламой. Высшие религиозные авторитеты Тибета не решились его поддержать, однако это не помешало Лхавсан-хану объявить, что найден «настоящий» Далай-лама VI Нгаван Еше Гьяцо. Нового духовного лидера признали Панчен-лама V³ Лосан Еше Пэлсанпо (1663–1737) и цинский двор. В 1709 г. по указу императора Канси Нгавану Еше Гьяцо

---

³ Существуют расхождения в вопросе нумерации Панчен-лам. При жизни титул «Панчен-лама» получил четвертый, по счету более поздней традиции, Панчен-лама Лосан Чойгьи Гьялцэн. Таким образом, в некоторых случаях Лосан Еше Пэлсанпо фигурирует как Панчен-лама V, а в некоторых — как Панчен-лама II.

была дарована печать Далай-ламы VI [9, цз. 91, л. 17а]. Однако среди тибетского населения он не пользовался авторитетом ни как религиозный деятель, ни как политик.

«Поддельный» Далай-лама VI Цаньян Гьяцо был низложен и отправлен в ссылку. Он умер по дороге в Пекин 14 ноября 1706 г. В то же время были организованы поиски его перерождения. В 1712 г. кукунорские князья Даши Батур (1632–1714) и Цеван Дандзин (ум. 1735) официально объявили найденного в Литане мальчика Далай-ламой VII. Лхавсан-хан отправил послов разобраться в сложившейся ситуации, и они объявили Далай-ламу Кэлсанга Гьяцо «фальшивым» [10, л. 17а–186].

Цинский двор не сразу определил свои позиции относительно происходящего в Тибете. Маньчжуры были заинтересованы в раздробленности монгольских племен и стремились оказывать на них влияние, заручившись авторитетом духовного лидера буддистов — Далай-ламы. Лхавсан-хан, с одной стороны, проявлял лояльность по отношению к императору, с другой — поддерживал связь с джунгарами, главным противником Цинской империи на внешнеполитической арене в это время. Кроме того, позиции Лхавсан-хана в Тибете были не столь прочны. По императорскому указу в Тибет был отправлен чиновник по имени Хэшоу, чтобы разобраться в сложившейся ситуации [9, цз. 91, л. 17а]. Официально он был назначен императором, «управляющим делами Тибета». Хэшоу иногда называют первым амбанем⁴, так как это был первый официальный представитель маньчжуров, отправленный на постоянное проживание в Тибет, чтобы следить за происходящими там событиями. Ж. Колмаш расценивает миссию Хэшоу как первую удачную попытку маньчжурского вмешательства во внутренние дела Тибета, однако возникновение института амбаней относит к 1727 г. [11, р. 543]. «Управляющий» пробыл в Тибете недолго. В 1710 г. Хэшоу получил императорский указ — вручить Нгавану Еше Гьяцо грамоту и печать, основанный на заверениях Панчен-ламы и Лхавсан-хана в том, что он сведущ в буддийском учении. Но уже в следующем году император повелел отозвать Хэшоу, уличить Лхавсан-хана в обмане и признать настоящим перерождением Далай-ламы Лосанга Кэлсанга Гьяцо из Литана [9, цз. 91, л. 17а].

Затем Канси приказал отправить Кэлсанга Гьяцо в Китай. Однако Цеван Дандин и Лобсан Дандзин попросили разрешения императора поселить его в монастыре Кумбум, опасаясь дальних путешествий из-за оспы. Император повелел после того, как Далай-лама прибудет в монастырь, оставить сопровождавших его маньчжурских воинов в качестве охраны [9, цз. 91, л. 176].

Таким образом, после смерти Далай-ламы VI Цаньян Гьяцо расстановка сил в Тибете приобрела следующий характер: светским правителем являлся Лхавсан-хан; на место духовного лидера Тибета претендовали ставленник Лхавсан-хана, Далай-лама VI Нгаван Еше Гьяцо, признанный Панчен-ламой, и Далай-лама VII Кэлсанг Гьяцо, поддерживаемый оппозиционно настроенным духовенством, кукунорскими правителями и большей частью тибетской аристократии. Цинский двор, поначалу выступивший на стороне Лхавсан-хана, не упускал из поля зрения и нового претендента на титул Далай-ламы Кэлсанга Гьяцо, спустя некоторое время признав его «настоящим»⁵.

⁴ «Амба» в переводе с маньчжурского значит «большой». Поэтому «амбань» стал общим термином для высшего руководства как в Пекине, так и на местах. В китайской литературе закрепился перевод да-чэн — «большой чиновник». В тибетском языке также существует аналог — *mi drags*, однако чаще встречается фонетическая транскрипция *'am ban*.

⁵ Следует отметить, что, признав Кэлсанга Гьяцо «настоящим», цинский император не признал его предшественника Цаньяна Гьяцо. Кэлсанг Гьяцо получил впоследствии от императора печать Далай-ла-

Заручившись поддержкой Далай-ламы, маньчжуры стремились усилить свое влияние на монголов, духовным лидером которых он являлся. Отправляя воинов сопровождать Кэлсанга Гьяцо в Кумбум, император велел им не только остаться для охраны Далай-ламы, но и следить за тайным проникновением в Тибет джунгаров [9, цз. 91, л. 176]. Их предводитель Цеван Рабтэн (1697–1727), наблюдая за усилением китайского влияния на события в Тибете, стремился, в свою очередь, контролировать ситуацию, поддерживая отношения с Лхавсан-ханом.

В 1717 г. джунгарская армия вступила в Тибет. Декларируемыми целями джунгарского вторжения были месть за смерть дэси Сангье Гьяцо, возвращение власти в стране тибетцам и водворение в Лхасе законного Далай-ламы VII. Джунгары захватили Лхасу и подвергли ее разграблению, Лхавсан-хан был убит в сражении. Однако перед своей гибелью Лхавсан-хан успел отправить императору Канси письмо с просьбой о военной помощи. Объединенные маньчжуро-монголо-китайские войска изгнали джунгаров из Тибета в 1720 г. 16 октября 1720 г., по указу императора Канси, состоялись торжественный въезд Далай-ламы VII Кэлсанга Гьяцо в Лхасу и его восшествие на золотой трон во дворце Потала. Как отмечает японская исследовательница Ишихама Юмико, это событие следует рассматривать как «восстановление буддизма в Тибете», осуществленное при поддержке потомков Гуши-хана — кукунорских хошутов и императора Канси. Из ее статьи «Новый взгляд на китайское завоевание Тибета в 1720 году», написанной с привлечением источников на маньчжурском, китайском и тибетском языках, мы узнаем, что, направляя армию для изгнания джунгаров, император планировал восстановить прежний режим правления кукунорских хошутов, без которых не могло бы состояться «китайское» завоевание Тибета [12, р. 426]. Однако потомки Гуши-хана так и не смогли назначить своего правителя, что и послужило главной причиной Кукунорского мятежа.

Сразу после занятия джунгарами Лхасы в Тибете было образовано временное военное правительство во главе с генералом Ян Синем (кит. 延信)⁶. В него вошли представители халхасских князей, тибетских аристократов и кукунорских хошутов. У императора не было уверенности в том, какую именно систему управления следует установить в Тибете. Не было сомнений лишь в вопросе религиозной организации: в традиционном тибетском обществе буддизм играл господствующую роль во всех сферах жизни, а Далай-лама был непререкаемым духовным лидером. Однако вопрос о том, кто станет светским правителем, оставался открытым. В Тибете не было отлаженной системы управления: на протяжении 1642–1720 гг. реальную власть в Тибете осуществляли разные люди с разными титулами и должностями: Далай-лама V (1617–1682), регент Сангье Гьяцо (1653–1705), монгольский князь Лхавсан-хан, унаследовавший титул «царя Тибета», джунгары также делали попытки установить свое правительство во главе с регентом Тагцепа Лхагьел Рабтеном (?–1720) после вторжения 1717 г. В связи со сложностью ситуации решение вопроса затянулось, и решать его пришлось уже не Канси, а его сыну Юнчжэну, занявшему престол в 1723 г.

В секретном донесении императору генералы Ян Синь и Няннь Гэнъяо предлагали собственную схему управления Тибетом: «Далай-лама слишком молод и лишь недав-

---

мы VI. Таким образом, сложилась уникальная в истории Тибета ситуация: существовало три Шестых Далай-ламы: Цаньян Гьяцо (воспитанник регента Сангье Гьяцо), Нгаван Еше Гьяцо (ставленник Лхавсан-хана) и Кэлсанг Гьяцо (перерождение Цаньяна Гьяцо).

⁶ Подробнее о работе временного правительства см.: [7, р. 74–90]

но взошел на трон, и в Тибете нет человека, который бы управлял государственными делами; если не успокоить сердца [местного населения], это будет противоречить высшим пожеланиям предшествующих императоров об умиротворении дальних земель. Нижайшие наши мысли заключаются в следующем: позволить Далай-ламе, местным духовным лицам и князьям вместе избрать одного достойного доверия человека, который бы пользовался авторитетом среди тибетцев, назначить его регентом⁷ и поручить ему управление делами [Тибета]. Этот министр не был бы [нашим] ставленником, и если впоследствии он оказался бы неспособным к управлению, не составило бы труда сразу его сместить» [13, с. 1]. В качестве одной из главных кандидатур на место светского правителя рассматривался молодой Далай-лама Кэлсанг Гьяцо, главным образом по той причине, что самым эффективным и популярным правителем в течение долгого времени (если не за всю историю Тибета) был Далай-лама V, «Великий Пятый». Спустя несколько месяцев после процитированного выше донесения, Нянь Гэнъяо докладывал императору о том, что Далай-лама VII не хочет брать на себя управление Тибетом: «Осмелюсь предположить, что если бы Далай-лама смог взять управление на себя, это было бы значительно лучше, чем приказать нэйгэ сюэши⁸ Ораю самому назначить министра. Если бы Ваше императорское Величество в письме убедили Далай-ламу, он смог бы управлять по образу Далай-ламы V, тибетцы доверяли бы ему, и это было бы на благо дела» [13, с. 7]. Таким образом, если Далай-лама не соглашался, согласно предложениям приближенных императора управление Тибетом передавалось в руки пользовавшегося доверием и уважением среди местного населения тибетца. Решением временного правительства был ликвидирован институт деси (регентства), образован совет калонов (министров), во главе которого стоял тибетец, заслуживший доверие при организации сопротивления джунгарам, — Канчэннэ. Нельзя сказать, что это решение о назначении принял император: на донесение генерала Янсина с вышеупомянутыми предложениями Юнчжэн ответил: «В том, что ты докладываешь, я вижу смысл, однако еще не [могу] принять решение. Это очень ответственное и важное дело. Я уже сообщил об этом Нянь Гэнъяо. Когда он вернется [в Лхасу], во всех местных вопросах проявляйте еще большее старание, будьте максимально внимательны и предлагайте помощь с уважением и осторожностью» [13, с. 2]. Канси не предполагал включения Тибета в состав администрации империи Цин в 1720 г., когда принимал решение отправить туда армию, и хотя требуемая военная помощь была оказана и маньчжурские войска были впервые введены в Лхасу, определенной стратегии в отношении управления Тибетом выработано не было: генералам приходилось действовать на месте по ситуации.

В то же время, предоставив решение вопроса о выборе главы правительства самим тибетцам, Юнчжэн, вслед за своим отцом, проигнорировал тот факт, что перед походом объединенных армий 1718–1720 гг. император Канси пообещал кукунорским князьям, наследникам титула «царя Тибета», что когда военные действия завершатся, они смогут сами назначить правителя: «До сих пор [мы] соблюдали все повеления Амугулан-хана (Канси. — М. С.). Сейчас же, кажется, для нас в этом нет выгоды ни на волосок. [Мы] ладили с Лхавсан-ханом, который по собственной вине был убит Цеваном Рабтэном, а Тибет был захвачен. Наша армия объединилась с китайской и пошла в наступление, заставила Церина Дондуба бежать и попросила Далай-ламу занять пре-

⁷ Кит. Di ba, фонетическая транскрипция тиб. Sde pa.

⁸ Нэйгэ сюэши (кит. 內閣學士) — звание секретаря Государственной канцелярии.

стол. Ранее Амугулан-хан говорил, что если [мы] возьмем Тибет, сможем в будущем назначать хана из своих. Только затем мы собирались назначить хана из своих. С тех пор 3–4 года нет известий. Видимо, нет надежды [самим назначить хана]. Со времен предков и до наших дней с джунгарами мы были очень дружны. Но из-за того, что Лхавсанхан поступил неверно, мы стали врагами. Однако какое нам дело до [Лхавсан-хана]? Давайте же скорее в течение этого 12-го месяца отправим посла к Цевану Рабтэну с посланием: “Со времен наших предков мы были в хороших отношениях, и до сих пор сохранили хорошие отношения. Давайте же и дальше действовать, объединив наши помыслы и устремления, и полагаться друг на друга. Следовать Амугулан-хану для нас не выгодно” — давайте скорее отправим ему посланника с этими словами» [14, с. 218].

Это решение было принято на собрании монгольских князей в 1723 г. Однако согласно «Истории Кукунора» решение о выступлении против Китая было принято хошутскими князьями еще в 1720 г. в Лхасе, когда уже во время пира, посвященного восшествию Далай-ламы VII на престол, стало ясно, что маньчжуры не собираются возвращать управление Тибетом наследникам Гуши-хана: «Во-первых, во время великого пира в Потале китайские чиновники сидели на центральных местах и были обслужены с почтением, мы же, кукунорцы, сидели на задних рядах, и еду нам подносили на бегу. Во-вторых, несмотря на наши попытки спасти регента Тагцепу, никто нас не слушал, и наша просьба была похоронена. В-третьих, мы привезли Далай-ламу из Литана и благодаря нашим стараниям сейчас завершили задачу его водворения на Львиный трон — задание, для которого мы были нужны и для которого к нам относились с почтением, а теперь наши заслуги принижены. Более того, по нашему разумению, благородные потомки Гуши-хана должны быть, как и прежде, благополучно коронованы царями Тибета. И тем не менее, на должность регента в Цзане был назначен Канчэннэ из Шанга. По этим причинам наши лица были покрыты потом стыда, и наши сердца были словно уколоты терновыми шипами. Пряча негодование, мы поклялись перед изображением Будды в Тибете, сойдясь на том, чтобы поднять восстание против Китая» [3, р. 24–25]. Однако единства среди правителей Кукунора не было, они не объединились в борьбе против Цинов не только с джунгарами и не достигли взаимопонимания даже между собой. Этому активно способствовала политика цинской империи в отношении региона.

Завоевание Тибета не было главной задачей внешней политики маньчжуров. Это был достаточно бедный труднодоступный район с суровым климатом, земли его были неплодородны, и с местного населения нельзя было получить достаточный налог. В то же время Тибет был духовным центром буддизма, и Далай-лама имел огромное влияние на умонастроения тибетцев, монголов, а также определенной части населения империи Цин, в том числе на многих высокопоставленных лиц. Кроме того, в описываемый период Тибет был точкой пересечения геополитических интересов главных сил региона. Маньчжуры были не сильно заинтересованы в полном контроле над ситуацией в Тибете только до тех пор, пока он не попадал под влияние монгольских племен, будь то джунгары — главный соперник Цинов на внешнеполитической арене того времени, или кукунорские князья, которые, объединившись и подчинив своей власти Тибет, могли бы со временем выйти из-под контроля. Не следует также при описании расстановки сил в регионе забывать про значительное количество тибетцев, проживавших на территории Цинхая. Как докладывал императору Нянъ Гэнъяо, быстро подавить восстание — не проблема, вопрос в том, чтобы достичь спокойствия на границах, а для этого необходимо подчинить умы проживающего там населения [15,

с. 34]. Тибетцы как на территории Цинхая, так и в Цзане со времен Гуши-хана привыкли видеть в его потомках покровителей религии, маньчжуры же на территорию Тибета в 1720 г. вступили впервые. Помощь в водворении в Лхасе Далай-ламы и освобождении от джунгарских завоевателей была значительным фактором в формировании положительного маньчжурского образа среди тибетского населения, однако генералы докладывали еще императору Канси о бедственном положении войск, вызванном проблемами с обеспечением их провиантом, одеждой, и о том, что длительное пребывание маньчжурско-китайских войск в Тибете лежит тяжелым бременем и на местном населении, что также может вызвать осложнения [13, с. 1]. Несмотря на то что Канси сам говорил о необходимости вывода войск при первой же возможности сразу после освобождения Тибета от джунгаров [13, с. 1], он все же не решился на эти меры, так как считал, что положение в регионе слишком нестабильно. Когда же к власти пришел император Юнчжэн, он практически сразу отдал приказ о выводе войск. Генерал Нянь Гэньяо докладывал о том, что монголы Цинхая, в частности Лобсан Дандзин, недовольны сложившейся в Тибете ситуацией, и предполагал, что «если быстро вывести армию, тогда у тибетцев не останется жалоб, а правители Цинхая поймут, что Небесной династии [Цин] не нужен Тибет, и что он останется землей буддизма» [15, с. 3]. Таким образом, решение о выводе войск, принятое вскоре после восшествия императора Юнчжэна на престол, было вызвано желанием решить сразу несколько задач: вернуть войска и сократить расходы на их содержание за пределами собственно Китая, устранить причины для недовольства местного населения маньчжурами и возможного сплочения кукунорских правителей. Впрочем, также возможно, что император хотел создать у князей иллюзию того, что ситуация в Тибете не контролируется, и тем самым спровоцировать их на конфликт. Когда Далай-лама VII высказался против вывода войск, Юнчжэн повелел объяснить ему, что, несмотря на отсутствие самих войск в Лхасе, ситуация будет находиться под контролем: отлаженная почтовая система позволит в случае необходимости вернуть армию в кратчайшие сроки [13, с. 1–2]. Как показало дальнейшее развитие событий в Тибете, ситуация находилась под контролем только в той степени, в которой она касалась отношений с монголами, — внутренние противоречия и интриги в самом Тибете привели в 1727–1728 гг. к гражданской войне и необходимости возвращения маньчжурских войск.

Вывод войск из Тибета решил не все поставленные задачи: наследники Гуши-хана, не вернув себе контроля над Тибетом, продолжали планировать совместные антицинские действия. Однако император был в курсе событий и предпринял целый ряд хорошо продуманных мер, целью которых было уже не столько избежать конфликта с Кукунором, сколько его «умиротворить» и включить в состав империи.

Конфликт между князьями, которые и без постороннего вмешательства особенно сплочены не были, спровоцировать было несложно. Юнчжэн даровал многим князьям в награду за помощь в освобождении Тибета от джунгаров и водворении на престоле Далай-ламы титулы и деньги, распределение которых способствовало ухудшению отношений среди князей. Также император принял непосредственное участие в решении вопроса со спорными землями на территории Цинхая в пользу Чагана Дандзина (?–1735), что усиливало его влияние и обеспечивало его нейтралитет в планируемом антицинском восстании⁹. Лобсан Дандзин, идеолог Кукунорского мятежа, лишился

---

⁹ Подробнее о распределении титулов и спорных земель см.: [1, с. 66–72; 2, с. 61–73].

таким образом наиболее важного союзника в противостоянии маньчжурам, а его влияние на территории Цинхая значительно сократилось. В итоге к началу военных действий монгольский князь не только не сумел добиться поддержки джунгаров, но и потерял своих союзников.

Ход мятежа подробно описан в «Завоевании Цинхая в связи с событиями в Каме и Тибете: 1717–1727» Ши-хуэй У [5, S. 73–159], поэтому мы не будем заострять внимание на конкретных военных действиях, именах и названиях. В целом можно отметить, что, по свидетельствам очевидца событий, автора «Анналов Кукунора» Сумба-Хамбо Ешей-Пэлджора (1704–1788), эта попытка монголов вести войну с Цинами выглядела детской игрой в сравнении с действиями, предпринятыми маньчжурскими генералами. И если действия монгольских князей не были слажены и четко продуманы, у маньчжуров была определенная стратегия, и каждое действие носило продуманный характер [3, p. 25]. Причем, по мнению Като Наото, Лобсан Дандзин, хотя и планировал восстание, на китайский гарнизон напал непреднамеренно во время военных действий, предпринятых против Чагана Дандзина, а причиной начала военных действий исследователь называет политику императора Юнчжэна в отношении кукунорских правителей [4, p. 80].

Мятеж Лобсана Дандзина был подавлен за считанные месяцы. Однако, как мы уже упоминали, главной задачей маньчжуров было «умиротворение» местного населения. А этот процесс потребовал значительно больших усилий и времени.

В ходе восстания существенную поддержку Лобсан-Дандзину оказали тибетцы, проживавшие на территории Цинхая. Монастыри служили местами сбора восставших, а монахи не только снабжали их провиантом и оружием, но и принимали непосредственное участие в военных действиях. Еще до начала военных действий император писал Нянь Гэнъяо о том, что его удивляет и возмущает фанатичность приверженцев желтой веры, что влияние лам на монголов слишком велико и этому следует помешать, как только появится повод [5, S. 133–134]. Поддержка тибетцами мятежного монгольского князя стала не только идеальным оправданием мер, предпринятых в отношении лам и монастырей, — она разозлила императора и стала причиной беспрецедентной жестокости, проявленной при «умиротворении» Цинхая. Ши-хуэй У подробно описывает действия генералов Нянь Гэнъяо и Юэ Чжунти (1686–1754), которым было поручено «умиротворение» Цинхая. Маньчжурские войска убивали лам, молодых и старых, уничтожали монастыри и прилегавшие к ним деревни. Учитель Далай-ламы VII престарелый Чубсан-хутухта вместе с другими высшими ламами был сожжен заживо [5, S. 173–199]. Меры, предпринятые Нянь Гэнъяо в отношении отдельных областей уже завоеванной территории, отличались в зависимости от степени их помощи Лобсану Дандзину или признания господства империи Цин. В то же время правила и ограничения, введенные по окончании военных действий, затронули весь Кукунор.

Кроме традиционных наград, поощрений и штрафов, Юнчжэн, по предложению Нянь Гэнъяо, предпринял целый ряд мер, обеспечивший мирное вхождение Цинхая в состав империи Цин. Наряду с территориальными изменениями, способствовавшими разобщению монголов, была введена новая система налогообложения, кочевой образа жизни было приказано заменить земледельческим, была проведена перепись населения. Все тибетцы, проживавшие на территории Цинхая, также стали платить налоги Цинской империи. Раньше они подчинялись монгольским князьям и поэтому поддерживали их в мятеже, теперь же они переходили в полное и безоговорочное подчи-

нение маньчжуров. Далай-ламе была выделена ежегодная денежная выплата в качестве компенсации за то, что часть территории, налог с которой раньше отправлялся ему, теперь отходила к Цинской империи [5, S. 260–284].

Был введен строгий контроль за деятельностью монастырей и регламент, ограничивавший количество комнат и лам в монастыре, регулировавший порядок выдачи монашеских удостоверений и вводивший серьезные ограничения в других областях жизни последователей желтой веры. На территориях, населенных тибетцами, были на постоянной основе размещены маньчжурские гарнизоны [5, S. 260–284].

Подводя итог вышеописанным событиям, отметим их наиболее важные последствия:

— завоевание Кукунора маньчжурами и включение его в состав империи положило конец претензиям наследников хошутского Гуши-хана на титул «царя Тибета» и участие в его управлении;

— джунгары, отказавшиеся выступить против империи Цин, становились менее опасными соседями, так как лишились практически единственного возможного союзника в противостоянии маньчжурам. Сам же факт того, что Цеван Рабтэн отказался поддержать Лобсана Дандзина, свидетельствовал о том, что джунгары еще долгое время не смогут набрать достаточно сил, чтобы стать серьезным соперником на внешнеполитической арене;

— значительные территории, населенные тибетцами, вошли в состав империи Цин. Важнейший религиозный очаг, родина основателя школы гелугпа Цзонхавы, перешел в административное подчинение к маньчжурам, а монголы навсегда были изгнаны из Тибета. Был принят целый ряд серьезных мер по ограничению деятельности лам и монастырей на присоединенной территории. Причем императору удалось добиться того, чтобы разграбление монастырей и массовые убийства тибетцев на территории Кукунора ассоциировались отнюдь не с его именем: поводом к совершенным действиям послужила поддержка тибетцами мятежного монгольского князя Лобсана Дандзина, а причиной стали считать кровожадность и жестокость китайских генералов. Нянь Гэньяо, верный и талантливый полководец, выполнявший повеления императора, получил в 1726 г. приказ покончить с собой¹⁰, а Юнчжэн распорядился о восстановлении монастырей, которое, главным образом, завершилось к 1729 г. Таким образом, император, будучи инициатором кровопролитных действий, не только ничего не потерял, но и приобрел славу покровителя желтого учения, «покарав виновных» и «восстановив справедливость».

Вывод маньчжурских войск из Лхасы, ослабление контактов с Джунгарией и включение Кукунора в состав империи Цин дали возможность новым тибетским министрам-правителям сосредоточиться на внутренних противоречиях и личных конфликтах. Это привело Тибет к гражданской войне 1727–1728 гг., которая закончилась победой проманьчжурски настроенного Полханэ, ставшего единоличным правителем Тибета. В результате цинские войска были возвращены в Тибет, контроль над которым был усилен со стороны императора.

---

¹⁰ Подробнее о кончине Нянь Гэньяо см.: [5, S. 317–329].

Литература

1. Успенский В. М. Страна Кукэ-нор или Цинхай с прибавлением краткой истории ойратов и монголов. СПб.: ЗИРГО, 1880. С. 57–196.
2. История Кукунора, называемая «Прекрасные ноты из песни Брахмы». Сочинение Сумба Хамбо / пер. с тиб., введ. и примеч. Б. Д. Дандарона. М., 1972. 166 с.
3. The annals of Kokonor / *Ho Chin Yang* (tr.). 125 pp. Bloomington: Indiana University; The Hague: Mouton and Co., 1969. (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series, Vol. 106.)
4. *Katō Naoto*. Lobjang Danjin's Rebellion of 1723: With a Focus on the Eve of the Rebellion // *Acta Asiatica*. N 64. Tokyo, 1993. P. 57–80.
5. *Shu-hui Wu*. Die Eroberung von Qinghai unter Beruecksichtigung von Tibet und Khams 1717–1727. Anhand der Throneingaben des Großfeldherrn Nian Gengyao. Wiesbaden: Harrassowitz, 1995. 365 s.
6. Шакабна В. Д. Цепон. Тибет: Политическая история. СПб.: Нартанг, 2003. 428 с.
7. *Petech L.* China and Tibet in the Early XVIIIth Century: History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet. Leiden, 1972. 309 p.
8. *Ahmad Z.* Sino-Tibetan Relations in the Seventeenth Century. Roma, 1970. P. 155–167.
9. Qin ding wai fan meng gu hui bu wang gung biao zhuan. (Высочайше утвержденные генеалогические таблицы и биографии князей Внешней Монголии и Туркестана). Ксилографическое издание // Рукописный фонд библиотеки Восточного факультета СПбГУ. Шифр Ху1 F-11.
10. Lcan skya-Qutuqtu Rol pa'i rdo rje'i Rgyal ba'i dbang po thams cad mkhyen gzigs rdo rje 'chang blo bzang bskal bzang rgya mtsho'i zhal snga nas kyi rnam par thar pa mdo tsam brjod pa dpag bsam rin po che'i snye ma. (Биография седьмого Далай-ламы Лосанг Кэлсанг Гьяцо). Ксилографическое издание // Рукописный фонд библиотеки Восточного факультета СПбГУ. Шифр Т-229/2.
11. *Kolmaš J.* A Chronology of the Ambans of Tibet // Ihara Shoren and Yamaguchi Zuiho (eds.). Tibetan Studies: Proceedings of the 5th Seminar of the International Association for Tibetan Studies, Narita 1989. Vol. 1: Buddhist Philosophy and Literature. Vol. 2: Language, History and Culture. Narita: Naritatan Shinshoji, 1992 (Monograph Series of Naritatan Institute for Buddhist Studies, Occasional Papers 1&2). P. 541–549.
12. *Ishihama Yumiko*. New Light on the «Chinese Conquest of Tibet» in 1720 (based on the new Manchu sources) // Proceedings of the 7th Seminar of the international Association for Tibetan Studies. Vol. 1: Tibetan studies. Verlag der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1997. P. 419–426.
13. Nian geng yao man han zou zhe yi bian. Собрание донесений Нянь Гэньяо на маньчжурском и китайском языках. Перевод на китайский язык. Тяньцзинь, 1995. 368 с.
14. Yong zheng chao han wen zhu pi zou zhe hui bian. Собрание донесений императору Юнчжэну на китайском языке с комментариями. Пекин, 1989. 995 с.
15. Nian geng yao zou zhe. The Memorials of Nien Kêng-yao. Ch'ing documents at National Palace Museum. Republic of China, Shih-lin, Taipei, 1971. 399 p.

Статья поступила в редакцию 11 сентября 2012 г.